Глава 42 У меня болит лицо

Одежда на спине была пропитана слезами девушки.

Ветер на карнизе был немного сильным, Се Синюнь нашел место, где никого не было, и опустил Бай Сяньюя.

Увидев, что он остановился, Бай Сяньюй сердито всхлипнул: «Пойдем, ты не хочешь взять меня с собой?»

Несколько кристально чистых слез упали одна за другой на прекрасное лицо девушки, как жемчуг с оборванными нитями. Ее прекрасные глаза были наполнены теплой жидкостью, но она все еще упрямо смотрела на него.

Грубые кончики пальцев гладили ее мягкое и гладкое лицо, кончики пальцев Се Синюня были слегка влажными, а его глаза были скрытными: «Почему ты плачешь?»

Когда Бай Сяньюй услышала это, она не смогла сдержать слез: «Ты все еще спрашиваешь меня, почему я плачу, одинокие мужчины и вдовы могут прийти в мою комнату, если захотят, а ты все еще бегаешь по столице с Я в твоих объятиях, ты когда-нибудь думал, что я все еще Семья девушки просто слишком обманчива».

В глазах Се Синюня было немного неловко.

Если это правда, что она не перерожденный человек, как она сказала, то его поведение действительно вышло за рамки правил.

Он поднял ее подбородок и увидел, что красивое лицо девушки, словно исцарапанное ветром, приобрело странный румянец.

Бай Сяньюй хотел отступить, но Се Синюнь схватил его за талию и вообще не мог пошевелиться.

«Отпусти меня. Ты, ученик!»

Се Синюнь редко показывал виноватое выражение лица, но он был немного раздражен: «Почему у тебя такая нежная кожа?»

Даже ветер может повредить ее лицо.

Бай Сяньюй пристально посмотрел на него: «Кто такой грубокожий, как ты?»

Боюсь, Бай Сяньюй — единственный в Киото, кто может сказать красивому мужчине, стоящему перед ним, слова «грубая кожа и толстая плоть».

Лицо Се Синъюня решительное и суровое, кожа здорового пшеничного цвета, а если присмотреться, то даже пор не видно. По сравнению с семейными у девушки черты лица глубокие и объемные, но совершенно не женственные.

Особенно темперамент вокруг нее подобен морозному лезвию, в сочетании с ее высоким и стройным телом он чувствует себя очень гнетущим, просто стоя, а ее глаза еще более решительны, как иней, который не растает тысячи лет.

Просто кожа Бай Сяньюя слишком белая и гладкая, даже когда Се Синюнь вытерла слезы,

он был ошеломлен сильным контрастом цвета кожи и текстурой, напоминающей тофу, его руки.

Он сказал: «Моя вина».

"ой."

Бай Сяньюй только что почувствовал холодный ветер, и, когда вышла, она не надела плащ, поэтому ей все время сопротивлялись. Ее баловали и воспитывали с детства. До того, как я был в таком смущении, было холодно, и мое лицо было похоже на порез ножом.

Мое сердце все еще перегружено.

После двух попыток, но не оторвавшихся, Бай Сяньюй был слишком ленив, чтобы беспокоиться. Се Синюнь теперь ее гуманоидная миссис Тан. В любом случае, они раньше обнимали друг друга и делали даже самые интимные вещи в своих предыдущих жизнях.

Она положила свои холодные ручки ему на талию, и ее маленькое лицо прижалось к горячей груди мужчины.

Се Синюнь не пошевелился, некоторое время его обнимала нежная девушка, и он взял на себя инициативу, схватил ее руку, обхватил ее ладонью и согрел своей внутренней силой.

Ее пальцы тонкие и нежные, нежнее молодых побегов бамбука и почти вдвое меньше широкой мужской ладони.

Он мог легко обнять ее руку.

Бай Сяньюй больше не хочет думать о том, почему два человека, которые только что стояли лицом друг к другу, менее чем за четверть часа превратились в такую «сладкую любовную» сцену.

Если трюк красоты полезен, то ради него можно пожертвовать внешностью.

Глядя на то, как Се Синюнь сейчас опустила глаза и согрела руки, не похоже, что он все еще хочет бежать в Тканевую Деревню Цзиньсю.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/105205/3713187